

Ольга
Суханова

Сорванная
МАСКА

Ольга Суханова
Сорванная маска

«Автор»

2024

Суханова О.

Сорванная маска / О. Суханова — «Автор», 2024

Династии Лейнеров и Нортеров много веков бьются друг с другом за власть в королевстве Истарал. Из поколения в поколение семья аристократов Вертов служит династии Нортеров, и каждый мужчина приносит клятву: быть верным и не связывать свою жизнь с женщинами из рода Лейнеров. Рихард Верг, задира, дуэлянт и первый подручный принца Нортера, тоже приносил такую клятву, но жизнь сталкивает его с загадочной незнакомкой – и все идет совсем не так, как должно.

© Суханова О., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Часть первая. Серебряный клинок. Глава 1. Странная компания	5
Глава 2. Шанс	11
Глава 3. Каторжница	17
Глава 4. Летописец принца	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ольга Суханова

Сорванная маска

Часть первая. Серебряный клинок.

Глава 1. Странная компания

Кристиан чувствовал, что сердце скачет где-то в горле и вот-вот выпрыгнет. Он отвел глаза в сторону, услышал, как кости с легким стуком покатались по дубовому столу и замерли. Надо было посмотреть, сколько выпало, но он не мог. Рубашка прилипла к спине.

– Не твой сегодня день, парень, – хохотнул тип с желтым одутловатым лицом, которого Кристиан про себя прозвал Тыквой. – Давай, снимай свои перчатки, – он протянул руку и придиричиво помял пальцами грубовато выделанную замшу. – Затерлись уже на швах.

– Почти новые!

– Ладно, ладно, я же видел, – Тыква положил обе перчатки на лавку, поближе к себе, и снова хохотнул. – Ну что там у тебя еще осталось? Башмаки? Небось все истоптанные.

Кости так и лежали на столе. Кристиан наконец заставил себя взглянуть. Пять и шесть. Тыкве уже в который раз выпадали пятерки и шестерки, и Кристиана вдруг кольнула мысль, что так не бывает.

– Можно посмотреть? Заговоренные, что ли?

Он попытался пошутить, потянулся к костям и краем глаза уловил движение Тыквы, но увернуться от удара по затылку не успел. Кристиан отчаянно рванулся, заметил в руке противника нож – еще полчаса назад это был его собственный нож! – почувствовал резкую боль в боку и еще один удар по голове, уже намного сильнее.

И провалился в темноту.

Когда он очнулся, была глубокая ночь, на безоблачном небе среди звезд мерцал тонкий, едва начавший расти месяц. А ведь играть с Тыквой он сел засветло. И играли они в трактире, а сейчас Кристиан лежал где-то посреди поля. Он попытался приподняться и осмотреться, но не смог. Голова раскальвалась, бок жгло, и нигде ни в одной стороне не горело ни единого огонька. Было холодно, особенно мерзли ноги, и Кристиан вдруг понял, что с него сняли башмаки. Он снова попробовал подняться, но тошнота, подкатившая к самому горлу, не дала даже пошевелиться. Месяц и звезды наверху словно закружились, а перед глазами все поплыло. Кристиан готов был опять провалиться в темноту, но вдруг ему почудились голоса и тихий стук копыт вдали, и он словно уцепился за эти голоса. Он затаил дыхание, не веря себе, но звуки приближались: двое мужчин ехали неспешной рысью, негромко переговариваясь. На миг Кристиана охватил страх, что Тыква возвращается, чтобы его добить, но путники снова заговорили, и он, прислушавшись, убедился, что ни один из голосов не похож на голос его соперника по игре.

– Помогите! – простонал он, надеясь, что слабый всхлип все-таки услышат в ночной тиши.

Всадники были уже совсем рядом, Кристиан теперь не просто слышал голоса, но и мог разобрать слова.

– Помогите! – снова выдохнул он.

– Феликс, ты слышал? – тихо произнес один из всадников.

– Да. Осторожнее, вдруг это ловушка Лейнеров.

Кристиан понял, что у него путается сознание: какие Лейнеры, какое отношение он имеет к правящей династии?

– Да брось, откуда им знать? Потом узнают, конечно. Но не так сразу.

– Рихард!

– Спокойно. Лучше посвети мне. И повод поддержи.

Один из всадников спешил. Второй, не сходя с седла, зажег маленький факел. Лошади, видимо, были приучены к огню – даже ухом не дернули. Кристиан вжался в траву. Феликс и Рихард? Те самые? Лучше бы вернулся Тыква.

– Эй, парень, что с тобой?

Кристиана осторожно перевернули на спину, он с трудом разлепил глаза и увидел склонившегося над ним человека. Рихард? Рихард Верт? Он совсем иначе представлял себе придворного головореза династии Нортеров. В его воображении Рихард Верт был огромной горой мускулов со свирепой рожой и сросшимися бровями, но сейчас в дрожащем свете факела Кристиан видел худощавого светловолосого мужчину со спокойным, совершенно не злобным лицом.

– Феликс, факел чуть ближе, – светловолосый заметил темное пятно на боку Кристиана и принялся осторожно разрезать завязки суконной куртки. – А взгляд-то у тебя что так плавает? Еще и по голове получил?

Кристиан утвердительно замычал и сглотнул, борясь с тошнотой.

– Ладно, молчи. Оклемаешься – расскажешь. Рану бы прижать хоть чем, а то повезем тебя сейчас – опять кровоточить начнет.

– Как ты его везти собрался? – подал голос Феликс.

– Как обычно – на плаще между лошадей. Ну, держись, парень, – Рихард снова обратился к Кристиану, тот застонал и замотал головой, боясь прикосновения к ране. – Ладно, так доедешь, а там тобой Эльза займется – она совсем не больно перевязывает.

Теперь Кристиан поверил, что никто не собирается причинять ему вреда. Он хотел ответить, поднял голову, но снова лишился чувств – и очнулся уже в незнакомой комнате, в постели, с повязкой на боку и мокрой холодной тряпкой, приложенной к затылку. Рядом кто-то негромко переговаривался, Кристиан узнал голоса своих спасителей и решил не показывать, что пришел в себя, а немного затаиться. Он слышал много историй о Рихарде Верте и Феликсе, его подручном, – и знал, что этих людей стоит опасаться.

– Его высочество будет в ярости, – недовольно ворчал Феликс. – Из-за этого парня нам придется задержаться. Да еще и надо его куда-то деть, не с собой же тащить.

– Ну что мне было делать – оставить его в поле? Думаешь, стоило? Эльза, долго он проваляется?

– Парень молодой, крепкий, – отозвался женский голос, такой нежный и мелодичный, что Кристиану поскорее захотелось увидеть его обладательницу. – Рана на боку не опасна, крови он потерял не так и много. Вот по голове его, видно, сильно ударили. Но никаких особо тревожных признаков я не заметила. Оклемается. Есть будете?

– Давай, – радостно согласился Феликс.

Рихард не ответил. Сквозь ресницы Кристиан увидел, как он поднялся из-за стола, подошел к маленькому окошку и остановился, словно высматривая кого-то.

– Да успокойся ты, – хохотнул Феликс. – Куда она денется? Это ж Плетка. Сказала, что вернется к десяти – значит, вернется к десяти. Еще четверть часа. Поешь спокойно.

– Проверять дорогу должен был кто-то из нас с тобой, а не она.

– Да, но его высочество требует, чтобы мы почти постоянно находились рядом с ним. Оба. За едой-то еле отпустил, и то потому, что сам проголодался.

– Его высочеству я уже все отнесла, – отозвалась Эльза. – Он велел подать себе в комнату, как обычно.

– Ну еще бы! – Феликс ехидно хмыкнул. – Чтобы принц крови ел с нами за одним столом?

– Перестань, – спокойно, но твердо оборвал его Рихард.

Кристиан, пораженный всем услышанным, по-прежнему не подавал вида, что уже давно пришел в себя. Принц крови? Его высочество?! В правящей династии Лейнеров не было никаких принцев, только принцессы – Александрина и Марианна, дочери королевы Леоноры от двух разных браков. А после того ужаса, что случился с принцессой Александриной год назад, осталась только ее младшая сестра, Марианна. Ну и сама королева Леонора, конечно.

И если вдруг Рихард Верт и его приятель Феликс, известные сторонники изгнанной династии Нортеров, сопровождали какое-то его высочество, то этим высочеством мог быть только принц Даниэль Нортер.

При этой мысли Кристиану стало не по себе. Принц Даниэль в стране! Принц Даниэль тайно пробрался в Истарал и в сопровождении своих людей движется... Кристиан очень хорошо знал историю и внимательно следил за событиями при дворе – поэтому ему было понятно, куда именно движется принц.

В день, когда все ближайшие планеты выстраивались на небесном полотне в ряд – а случались такие дни примерно раз в девяносто лет – проходил Небесный суд, на котором представители королевских династий имели право узнать волю звезд. И именно воля звезд определяла, какая из семей будет править Истаралом до тех пор, пока планеты снова не выстроятся на небе в одну линию. В прошлый раз на Небесный суд прибыли представители трех древних фамилий – Нортеры, Лейнеры и Сивы. И звезды отдали власть Лейнерам. За прошедшие десятилетия династия Сивов прервалась, а вот Нортеры, высланные из Истарала, хранили чистоту крови и не допускали неравных браков – все наследники Нортеров женились или выходили замуж только за тех, в ком тоже была кровь правителей. И теперь принц Даниэль имел полное право прийти на Небесный суд наравне с королевой Леонорой Лейнер и ее единственной оставшейся дочерью, принцессой Марианной.

А планеты должны были встать в одну линию совсем скоро.

В стороне раздались шаги, Кристиан почувствовал запах мясной похлебки и, чуть разомкнув веки, увидел, как женщина – он не мог рассмотреть ее лица, но фигура была изумительна – поставила на стол перед Феликсом большую миску.

– Спасибо, Эльза.

– Рихард? Не узнаю вас, вы что, не голодный? – проговорила Эльза, и Кристиан вновь удивился красоте ее голоса. – А, вы все смотрите в окно. Да приедет она, куда денется!

От запаха горячего мяса и от мысли о еде к горлу снова подкатила тошнота, Кристиан неосторожно повернулся и тихо застонал – в голове словно ударили молотом изнутри.

Эльза бросилась к нему, Верт спокойно подошел следом.

– Что с вами случилось? – негромко спросил он.

– Рихард! – укоризненно произнесла девушка. – Не трогайте его пока, ему совсем плохо! – она осторожно присела на край широкой кровати, повернулась, и Кристиан наконец увидел ее лицо. Он, и так полуживой, почувствовал, как останавливается сердце. Никогда еще за свои двадцать три года он не встречал такой красоты. Если бы Кристиан был художником и придумывал идеальное женское лицо, свою мечту, – он бы нарисовал именно такое: мягкие и нежные черты, огромные голубые глаза, пухлые розовые губы. Русые волосы были уложены в затейливую прическу, из которой выбивались несколько локонов.

– Не бойтесь, все хорошо, вы в безопасности, – сказала Эльза, улыбаясь.

– Я... я умру? – одними губами прошелестел он.

– Ну что вы! Все скоро заживет, но придется несколько дней полежать.

Она снова улыбнулась, ободряюще кивнула, упорхнула куда-то – Кристиан не видел, куда, а повернуть лишний раз голову боялся – но тут же вернулась с чашкой травяного настоя.

– Ну-ка выпейте, это успокоит и поможет уснуть.

Он послушно отхлебнул теплую горьковато-пряную жидкость. Стоило получить по затылку дубовой доской, чтобы вокруг него суежилась такая красавица! Но Эльза, убрав

чашку, тут же ускользнула и принялась сметать крошки со стола. Он все-таки решился и медленно-медленно пошевелил головой, чтобы увидеть всю комнату и осмотреться.

Кровать, на которой уложили Кристиана, стояла в торце длинного просторного помещения. Рядом была дверь, в противоположной стене – еще одна. Посреди комнаты разместился камин, напротив – простой кухонный стол, за которым Феликс доедал свою мясную похлебку. Рихард Верт сидел напротив него и, не обращая внимания на снующую Эльзу, словно невзначай поглядывал то в окно, то на бронзовые часы на каминной полке. Сколько на часах времени, Кристиан не видел – голова кружилась, перед глазами был туман, а при малейшей попытке напрячь зрение ему становилось еще хуже.

– Я же говорил, – Феликс вдруг засмеялся. – Слышишь?

Рихард сдержанно кивнул в ответ, и через несколько мгновений Кристиан тоже услышал стук копыт за окном.

– Еще далеко, – добавил Феликс. – За мостом где-то.

Верт снова ответил кивком. Стук копыт притих – всадник, подъезжая, перевел лошадь в шаг. Кристиан, у которого раскалывалась голова, на несколько минут забылся, но полностью провалиться в беспамятство не успел – за стеной послышалась чья-то быстрая и легкая поступь, дверь возле его кровати отворилась, и в комнату вошла молодая женщина.

– Плетка, – повернулась к ней Эльза. – Голодная? Хорошо, что я еще не успела все убрать.

Вошедшая, не говоря ни слова, улыбнулась и кивнула вместо ответа, словно разрешая подать ей еду. Кристиан заинтересованно рассматривал эту девушку со странной кличкой. Она была в мужском костюме и высоких сапогах, но вовсе не притворялась мужчиной, а одежду такую выбрала, похоже, просто для удобства. Несмотря на небольшой рост, держалась девушка очень прямо, Кристиан даже залюбовался ее ровной спиной и чуть вздернутым подбородком. Темные волосы были просто заплетены в две недлинные, чуть ниже плеч, косы. Лицо с резко-ватыми высокими скулами и причудливым изломом бровей показалось Кристиану слишком надменным, а адресованная Эльзе улыбка – слишком строгой.

Плетка вопросительно качнула головой в сторону кровати и перевела взгляд на Рихарда.

– Сам не знаю, – тихо сказал тот. – Подобрали в поле. Эльза пока не разрешает его спрашивать.

Она снова качнула головой, показывая, что поняла, потом сняла перчатки и бросила их на край стола. Кристиан увидел тонкие, точеные белые руки – и оцепенел. Хорошо, что он лежит в постели и молчит, а то бы замер и онемел: на правой руке Плетки, на тыльной стороне ладони и запястья, была небольшая черная татуировка. И хотя перед глазами у него все плыло, Кристиан прекрасно понимал, что это такое. Каторжный номер.

Всю свою жизнь до последней недели, все двадцать три года, он провел в маленьком городке возле пересыльной тюрьмы – и поэтому хорошо знал все про эти татуировки. Номер, выбитый на руке у Плетки, означал, что когда-то она была приговорена к пожизненной каторге, и от этого Кристиану стало совсем не по себе. Даже за самое жестокое убийство на каторгу отправляли на двадцать лет, не больше. И эти двадцать лет мало кто доживал до конца. Кристиан знал законы: пожизненная каторга грозила лишь тем, у кого за плечами не одно убийство, а как минимум три. Ну или преступление против государства.

Голова по-прежнему болела, но он чувствовал, что вот-вот уснет – начало действовать снадобье Эльзы. Куда он попал, что это за странная компания: принц крови, два отпетых головореза, беглая каторжница и прелестная молоденькая девушка? Кристиан пытался как-то связать этих людей, но сил на размышления совсем не было.

Теперь он пожалел, что выпил успокаивающее снадобье Эльзы. Рихард расправил на столе большую выцветшую карту с потрепанными краями, Феликс и Плетка устроились напротив него, и Кристиан изо всех сил боролся со сном и слабостью, чтобы услышать их разговор.

Он не видел карту, но ему и не надо было видеть – он прекрасно знал географию и легко мог представить себе и весь Истарал, и даже ближайшие страны.

Он не должен сейчас засыпать! Он должен услышать, о чем Рихард Верт говорит с Феликсом и Плеткой. Кристиан понимал, что это его шанс – тот самый шанс, что выпадает, может быть, один раз за всю жизнь.

С раннего детства его влекли и великие события прошлого, и то, что творилось прямо сейчас. Кристиан сам не понимал, откуда у него, простого парня из маленького городка, такой интерес к битвам, переворотам и интригам. Но именно это увлечение всю жизнь его куда-то вело. Он старательно откладывал все мелкие монетки, которые ему иногда перепадали от отца, державшего кожевенную лавку, а в девять лет одним махом потратил все свои сокровища – купил у старьевщика на городском рынке драный букварь и договорился с учителем грамоты о нескольких уроках. Через пару месяцев Кристиан бегло читал, а чуть позже сам научился писать.

Дела в отцовской лавке шли неплохо: рядом с городом была большая пересыльная тюрьма, через которую переправляли не только особо опасных преступников, закованных в кандалы, но и тех, кто был осужден не так строго. У таких по закону не отбирали деньги, а некоторым даже разрешалось под охраной ненадолго покидать тюрьму. Эти заключенные были частыми покупателями у кожевенника – башмаки от постоянных переходов у них изнашивались быстро. В десять лет Кристиан, пристроившись в углу отцовской лавки, начал писать письма под диктовку неграмотных каторжников. Он брал всего лишь один ист за две странички – и никогда не хитрил, не старался сделать буквы покрупнее, а строчки пореже. Но вскоре о грамотном сыне кожевенника знал весь городок и окрестности, обращаться к нему начали не только каторжники, и заработок Кристиана в удачные дни почти сравнялся с отцовским.

Из всех этих слов, записанных под диктовку и заключенных, и свободных горожан, он вынес сотни разных историй – иногда забавных, но чаще страшных – и понял, чем хочет заниматься, когда вырастет. Нет, он не подхватит кожевенное ремесло отца. Кристиан хотел серьезно изучать историю и рассказывать обо всем, что происходит, а в заветных мечтах видел себя летописцем при дворе королевы Леоноры. Когда эти мечты прочно утвердились в его душе, Кристиану почти исполнилось двенадцать, и его ничуть не смущало, что простого парня из глубинки не ждут в придворных летописцах. Надо было всего-то стать лучшим, а потом доказать это всем. Но учиться в родном городке было негде, и поэтому Кристиан без всякой системы читал все книжки о прежних временах, какие только мог купить. А заодно постоянно разглядывал разные карты – ведь чтобы понять, где и за что воюют, нужно представлять себе место действия.

Все эти годы Кристиан копил. Он откладывал каждый ист, и потом, когда собиралась дюжина крошечных монеток, менял их на один целый истар – чтобы уж точно не потратить. Разменивать истар было жалко. А когда удавалось собрать дюжину истаров, Кристиан менял их на большую золотую монету. За десять лет он наскреб наконец на университетский взнос, на дорогу и на первое обустройство в чужом городе – и два дня назад, простившись с отцом и расцеловав мать, отправился в столицу.

Из десятков прочитанных книг, из сотен услышанных историй Кристиан прекрасно знал об изгнанной династии Нортеров. После прошлого Небесного суда власть над Истаралом получили Лейнеры, в семье которых корона традиционно передавалась по женской линии. И королева Инесса Лейнер, бабка нынешней королевы Леоноры, выслала из страны Вильгельма Нортера – прадеда принца Даниэля. Во время бегства Нортеру удалось вывезти все семейные драгоценности, и потом, оказавшись в безопасности за пределами Истарала, Вильгельм Нортер купил небольшой замок в приграничных горах на вольной территории между Истаралом и соседней Сирией, укрепил его и обосновался там. Храня чистоту королевской крови, Нортер женился на одной из бесчисленных сирийских принцесс. Юную красавицу за изгнанника,

конечно, не отдали бы, но засидевшуюся в девках дурнушку тоже надо было куда-то пристроить – и для этой цели Вильгельм Нортер, пусть беглый, но все-таки король, вполне подошел.

Выбираться из Истарала Вильгельму Нортеру помогал командир его личной гвардии, Фредерик Верт. Много лет мужчины из благородного семейства Вертов, не менее древнего, чем все королевские династии, были на службе у рода Нортеров, и каждый Верт в день совершеннолетия давал торжественную клятву – быть верным, всегда защищать честь династии Нортеров и никогда не связывать свою жизнь с женщинами из рода Лейнеров. Такой обет давал Фредерик Верт Вильгельму Нортеру, такой же – и Рихард Верт Даниэлю Нортеру.

Кристиан все это знал. И знал, что не должен сейчас засыпать, что должен услышать разговор Верта, Плетки и Феликса, – но ничего не мог с собой поделать. Приготовленное Эльзой лекарство успокоило боль и облегчило тошноту, и Кристиан все-таки уснул, так и не узнав, о чем говорят над разложенной на столе картой.

Когда он проснулся, было уже светло. Кристиан попытался разглядеть часы на камине и понять, сколько времени. Он приподнялся и тут же охнул от боли в боку, кровать заскрипела, и на шум примчалась встревоженная Эльза. Сейчас, утром, она казалась еще красивее. Голубые глаза сверкали, на губах играла все та же приветливая улыбка.

– Вы проснулись?

– Да, – отозвался Кристиан, пытаясь сесть в постели.

– Вам нужно встать? Сейчас я позову кого-нибудь из мужчин, они помогут.

– Нет, – смутился он, но тут же понял, что да, подняться все-таки нужно. – То есть... спасибо...

Эльза снова улыбнулась, скрылась за дверью и вернулась уже с Феликсом. Вот он выглядел именно так, как, по представлениям Кристиана, и должен был: огромный, крепкий, с лицом в старых оспинах. Такой запросто уложит быка одним небрежным ударом. Кристиан знал, что, в отличие от аристократа Рихарда Верта, Феликс был человеком простым – кажется, из солдат – и не имел фамилии.

– О, совсем оклемался, – усмехнулся Феликс, осторожно подхватывая Кристиана. – Да ты и сам бы справился, тут рядом. Держись.

Каминных часов Кристиан так и не увидел, но, оказавшись во дворе, взглянул на солнце и понял, что день в самом разгаре. Когда через несколько минут он, опираясь на Феликса, вернулся, Эльза уже приготовила очередную чашку с травяным отваром.

– Есть будете, или до сих пор тошнит? – спросила она, и Кристиан почувствовал, что и вправду голоден.

– Буду. Спасибо.

Он ждал, что все накинется с вопросами, но пока никто его не трогал, и только позже, когда Кристиан немного поел, а Эльза сменила ему повязку на боку, – только тогда в комнату вернулся Феликс, а следом за ним вошли Рихард и Плетка. Верт вопросительно взглянул на Эльзу, словно уточняя, можно ли поговорить с ее подопечным, и девушка, кивнув, скрылась за дверью. Рихард сел рядом с Кристианом, Плетка встала напротив у окна, Феликс устроился в другом торце комнаты.

– Ну что, получше? – спокойно спросил Верт. – Можете говорить?

Глава 2. Шанс

В вырезе его рубашки Кристиан заметил тонкую серебряную цепочку, на которой что-то сверкнуло, – и хоть он и не видел, что именно, но прекрасно понял: маленький серебряный меч, отделанный бриллиантами, – знаменитый символ верности Вертов Нортерам, передававшийся в семействе Вертов от отца к сыну уже много поколений.

Кристиан вспомнил все слухи, ходившие о Рихарде Верте. Принц Даниэль Нортер, живший в приграничном замке прадеда, нередко появлялся в высшем свете за пределами Истарала – и порой становился мишенью для чьих-то насмешек. Но стоило кому-то отпустить шуточку по поводу изгнанных Нортеров – Рихард Верт со спокойной улыбкой заводил с шутником милую беседу. Через пару слов разъяренные остряки вызывали Верта на дуэль, после чего отправлялись либо к хирургам, либо сразу к Небесным судьям – в зависимости от настроения Рихарда. Бывало, доставалось и самому Верту, заговоренным он не был, – но желающие пошутить в адрес Даниэля Нортера довольно быстро перевелись.

Именно из-за этих историй Кристиан и представлял себе Верта свирепым убийцей. Но сейчас рядом с ним сидел человек, на убийцу вовсе не походивший. Реальный Верт оказался высоким, широкоплечим, худощавым блондином с мягкой улыбкой и спокойным взглядом серых глаз.

– Можете говорить? – повторил Рихард, не дождавшись ответа.

– Могу, да, – кивнул Кристиан. – Спасибо за помощь.

Он понимал, что его будут расспрашивать, и решил не врать, чтобы потом не запутаться самому. Ну или врать только в самом крайнем случае.

– Здесь вы в безопасности. Меня зовут Рихард Верт.

– А я Феликс, – раздалось с другого края комнаты.

– Плетка, – вступила девушка. Она перехватила взгляд Кристиана, направленный на ее татуировку, и коротко усмехнулась. – Так меня прозвали на каторге. Я привыкла.

Голос у нее оказался неожиданно низким, грудным, бархатным. Кристиан никак не ожидал такого тембра от невысокой хрупкой девушки. А про каторгу она упомянула совершенно спокойно – не бравировав этим и не стесняясь этого.

– Кристиан.

– Что с вами случилось? – поинтересовался Рихард.

– Я шел в столицу, в Стреттен.

– Пешком? – Верт удивленно поднял бровь.

– Да.

– Откуда?

– Из Фента.

– Это где пересыльный пункт? – быстро уточнила Плетка.

– Да. Я... я сам из Фента. Хотел записаться в университет в Стреттене, накопил на взнос и пошел. Рассчитывал, что за месяц с небольшим дойду. Но далеко уйти не успел. Сел в трактире играть в кости, – Кристиан вдруг почувствовал, что у него задрожали губы. – Проиграл почти все деньги, потом плащ, нож, перчатки... Потом мне вдруг показалось странным, что у меня почти все время двойки и единички, а у него – пятерки и шестерки...

– Два набора костей, – пояснил Верт. – Обычное дело. Один – без пятерок и шестерок. Второй – без единичек и двоек. Главное – внушить собеседнику доверие и ловко и быстро менять кости.

– Я... я не знал, – всхлипнул Кристиан. – Думал, все честно. Пошутил, что кости заговоренные, и потянулся потрогать... а меня ножом в бок и дубовой скамейкой сзади по голове... а

потом ничего не помню. Очнулся посреди поля, там, где вы меня нашли. Даже не знаю, далеко от трактира или нет. С меня еще и башмаки стащили, и кошелек с остатками денег срезали.

Он понял, что вот-вот расплатится, и изо всех сил старался сдержаться.

– А как назывался трактир?

– «Сапог и башмак».

– Далеко, да. Мы проезжали его. Значит, вас еще какое-то время везли. Скорее всего, в повозке, – отвезли подальше, а потом выкинули. Совсем не помните?

– Совсем.

– Главное – вы живы, и ничего особо серьезного нет. Завтра, думаю, вполне можно будет тронуться в путь.

– Рихард! – из-за двери донесся возмущенный голос Эльзы. – Дайте человеку оклематься! Если вы, едва придя в себя, готовы прыгнуть в седло, это не значит, что все такие!

– У нас есть повозка. И еще полдня и ночь впереди, – улыбнулся ей в ответ Верт, но тут же снова перевел взгляд на Кристиана. – Что вы собирались изучать в стреттенском университете?

– Историю и словесность.

– Вот как? Интересуетесь историей? Кого-то читали? Максимилиана Лена наверняка, если увлекаетесь. Гаспара тоже. Еще?

– Леона Старшего и Леона Младшего, – оживился Кристиан, – Оскара, Юлиана...

– Юлиана? – уточнила вдруг Плетка. – Вы владеете старосилийским?

Кристиан растерянно покосился на нее. Он мог бы ждать такого вопроса от аристократа Верта, но никак не от беглой каторжницы.

– Нет, – помотал он головой. – Я читал в переложении Леона Старшего.

– Какое-то ремесло у вас есть? – спросил Рихард.

– Да, я переписчик. Переписывал и книги, и письма под диктовку – и горожанам, и заключенным, – Кристиан осекся и снова покосился на Плетку, но та промолчала, зато Верт снова начал его расспрашивать.

– Вы выросли у пересыльного пункта, наверняка наслушались историй от каторжников – и не знали, что нельзя садиться играть с первым встречным?

Кристиан вздохнул:

– Знал, конечно. Но меня словно заговорили.

– Да, они умеют. Хорошо, что все обошлось. Плащ, башмаки, перчатки и деньги – дело наживное. С ремеслом переписчика вы в любом крупном городе не пропадете. Мы завтра к вечеру будем в Лоттене, там вас и оставим, – Рихард поднялся и, не дожидаясь ответа, шагнул в сторону, но уже у двери обернулся. – Отдыхайте, а завтра утром тронемся в путь.

Верт вышел из комнаты, Плетка и Феликс молча последовали за ним. Кристиан, у которого этот короткий разговор отнял последние силы, закрыл глаза. Судьба и правда давала ему шанс – шанс оказаться в самой гуще событий. Рихард ни словом не обмолвился о принце, но Кристиан был уверен – Феликс и Рихард сопровождают принца Даниэля к месту Небесного суда. Все сходилось.

Почти все.

Грот Небесного суда был за пределами Истарала, на вольной территории, – но попасть туда можно было, только проехав через все королевство и перейдя через северную границу.

А город Лоттен лежал совершенно в другой стороне от этого маршрута. И вряд ли Рихард Верт готов так сильно отклониться от верного направления, чтобы доставить какого-то первого встречного в безопасное место.

Зачем ему Лоттен, если ехать надо строго на север? Кристиан пытался подумать об этом, но на него снова накатила волна слабости и дурноты, и он сдался. Вместо мыслей о непонятном маршруте в голове теперь крутились другие – это шанс, это его шанс. Королева Леонора, конечно, ждет, что Даниэль Нортер попытается приехать на Небесный суд. И конечно, стража

по всему Истаралу будет предупреждена. Но вряд ли Нортера ждут так рано. И вряд ли знают его маршрут. Если Кристиан прямо из Лоттена кинется в столицу, прорвется к королеве и расскажет о планах Нортера – его наградят и заметят. И, может быть, он приблизится к своей мечте – должности придворного летописца. Главное – прорваться к самой королеве. Ну в крайнем случае – к принцессе Марианне, та ведь тоже уже взрослая и может принимать решения. Она на два года младше своей сестры. Принцессе Александрине, жестоко убитой больше года назад прямо на улицах Стреттена, было бы сейчас двадцать два. Значит, Марианне – двадцать.

Но как он сможет туда добраться, если у него нет ни единого иста, и даже башмаков больше нет?

Кристиан запутался в собственных мыслях и снова заснул.

Соседняя комната была совсем крошечной, там едва умещались пара стульев, скамейка и маленький стол. Сейчас все – и Эльза, и Рихард, и Феликс с Плеткой – устроились с разных сторон вокруг этого стола.

– Ну что? – Верт посмотрел на Феликса, потом перевел взгляд на Плетку. – Что скажете?

– Похоже, не врет, – проворчал Феликс.

– Если и врет – то очень умело. Для шпиона слишком уж неказист. Речь чистая, явно много читает, – кивнула Плетка. – С книгами по истории хорошо знаком.

– Если так – значит, и за происходящим сейчас следит, – отозвался Рихард. – Значит, понял, кто мы. И что тут делаем. Эльза, может, он притворяется? И сам себя ножом саданул для правдоподобия?

– Нет. Рана хоть и не опасная, но глубокая и очень болезненная, сам себя он так сильно не пырнул бы. И по голове явно всерьез получил.

– Ну, тошноту и слабость изобразить легко.

– Да, – согласилась Эльза. – А вот разные зрачки и дергающийся взгляд нарочно не подделашь. Рихард, ему действительно крепко досталось.

– Лейнеры никак не могли нас выследить. Слишком рано, – произнес Феликс. – Они, конечно, ждут его высочество. Но не сейчас. Планеты встанут в линию только в августе, а сейчас июнь. И королева Леонора точно понимает, что его высочество не захочет проводить в Истарале ни единого лишнего дня. По крайней мере – пока не станет законным королем.

Верт кивнул:

– Да. Со всем согласен, да. Но мне не нравится этот парень.

– Мне тоже, – еле слышно откликнулась Плетка.

К радости Кристиана, ему дали отлежаться до конца дня. Но уже к вечеру Рихард, Феликс и Плетка начали собираться, и он понял – завтра рано утром все тронутся в путь. Он слышал, как Феликс отправился к хозяину, чтобы расплатиться за дом, который два или три дня занимал принц со своим окружением. Самого принца Даниэля Кристиан до сих пор так и не видел, он знал только, что его высочество занимает пару комнат на втором этаже. Да еще, обладая чутким слухом, понял, что ночи его высочество проводит в обществе прекрасной Эльзы.

Он пытался расспросить Эльзу про завтрашнюю дорогу, но девушка лишь очаровательно улыбалась и увиливала от ответов.

– Не волнуйтесь, завтра вы будете вполне в силах перенести дорогу в повозке. Верхом вам ехать не придется, – заверила она.

– Я и не умею, – признался в ответ Кристиан.

Вернувшийся Феликс принес ему пару весьма потрепанных башмаков, и утром Кристиан был вполне готов отправиться в Лоттен. Он, ожидавший, что принц династии Нортеров путешествует в карете, с изумлением увидел во дворе простую крытую повозку, запряженную мускулистой гнедой лошастью. Верх повозки был не слишком искусно размалеван самыми яркими красками, сзади висели разноцветные ленты, а на хомуте болтались длинные нарядные

кисточки из красной и зеленой пряжи. В стороне Плетка держала под уздцы сразу трех оседланных лошадей. Феликс помог Кристиану забраться в повозку и устроиться полулежа, Эльза изящно запрыгнула на облучок и подхватила вожжи. Кристиан осмотрелся внутри: повозка была разделена плотной ширмой. Похоже, принц Даниэль вовсе не горел желанием общаться с попутчиками. Наконец дверь дома отворилась, и во двор, к повозке и лошадям, в сопровождении Рихарда вышел богато одетый юноша среднего роста. Кристиан понял, что это и есть принц Даниэль Нортер.

Принц показался Кристиану совсем молоденьким: если Верту было, наверное, немногим больше тридцати, то принц смотрелся ровесником самого Кристиана. Он был одет в вишневый костюм из дорогого бархата. Красивое правильное лицо с чересчур высокомерным выражением, дорогое кружево на воротнике и манжетах, золотая цепочка крупного плетения с тяжелой подвеской, на которой драгоценными камнями был выложен герб, – все в Даниэле Нортере словно подчеркивало его королевскую породу. Кристиан сразу заметил, что разговаривает принц только с Рихардом – похоже, как с почти равным по происхождению. Ни Феликса, ни Плетку он не удостоил ни единым взглядом, и даже Эльзу, с которой был весьма ласков ночью, днем словно и не замечал. Кристиан слышал, как принц забрался в повозку за ширмой.

– Трогаемся? – спросила Эльза у Верта.

– Да.

Она легко хлестнула вожжами лошадь, и повозка двинулась. Феликс, Плетка и Рихард ехали рядом. Кристиана удивило, как ловко держится в седле беглая каторжница, но он был так впечатлен всем происходящим, что даже не стал задумываться, где же обычная преступница могла научиться так ездить верхом.

Подумать только – он, простой парень из небогатой семьи, выросший в глухом городишке, сидит сейчас в одной повозке с самым настоящим принцем! Лошадь неспешно рысила по дороге вдоль большого поля с едва взошедшим ячменем, красные и зеленые кисти на хомуте весело колыхались, и Кристиан только теперь оценил задумку Верта – он почему-то был уверен, что идея принадлежит именно Рихарду: яркая повозка на проселочной дороге вроде бы и бросалась в глаза, но любой путник тут же понимал, что это всего лишь жалкий бродячий балаганчик, и сразу терял всякий интерес и к повозке, и к сопровождавшим ее трем всадникам. Цепкий взгляд заметил бы, что кони слишком уж хороши для небогатых странствующих лицедеев, но расчет Верта был верен – внимание привлекали не дорогие верховые лошади, не всадники рядом с повозкой, а сама повозка, ее пестро раскрашенный верх, яркие развевающиеся ленты и броские кисточки на хомуте гнедого коня.

– А если вдруг кто-то поймет, что вы вовсе никакие не лицедей? – негромко спросил Кристиан у Эльзы. – Мало ли... попросят где-нибудь выступить, а вы ничего не можете?

Девушка на миг замялась, словно решала, стоит ли рассказывать этому незнакомцу подробности, но потом все-таки заулыбалась и ответила:

– Ну если уж будут очень настаивать – Феликс легко гнет подковы и завязывает узлом кочергу, Рихард метает ножи, жонглирует яблоками и ходит по канату, Плетка с ходу придумывает стихи на любые темы, а я пою и играю на лютне, – Эльза мотнула головой, указывая на что-то у нее за спиной, и Кристиан увидел свернутую рогожу, из которой торчал гриф.

Он видел, что девушка отвечает неохотно, и не стал больше спрашивать. Ничего, потом он все разузнает. Кристиан осторожно выглянул наружу. Ячменное поле осталось позади, теперь повозка катила по широкой, хорошо утоптанной лесной дороге. Деревья с обеих сторон были вырублены – он знал, что по велению королевы Леоноры это сделали на всех крупных лесных дорогах, чтобы грабителям было не так просто нападать на путников.

Феликс и Рихард держались рядом с повозкой. Кристиан уже знал, что принц Даниэль требует, чтобы они оба почти постоянно были рядом с ним. Плетка же иногда уезжала вперед, проверяя путь. Каторжница была все в том же мужском костюме, только темные волосы ее,

вчера заплетенные в две косички, сегодня были распущены и развевались за спиной, когда Плетка пускала коня в галоп. Сейчас она снова направилась вперед, и Кристиан только увидел, как вдали, за изгибом дороги, мелькнул и скрылся хвост ее рыжей лошади. Он осторожно подвинулся чуть ближе к Эльзе и подумал, что, может быть, если бы не присутствие принца за ширмой, он сумел бы разговорить эту улыбчивую красавицу. Слышны ли там, за ширмой, голоса? Кристиан еще чуть приблизился к девушке и уже собирался снова завести беседу, но вдруг из-за поворота – с той стороны, куда не так давно уехала Плетка – раздался грохот выстрела. Он увидел, как на миг закаменело лицо Верта, но Рихард тут же взял себя в руки, быстрым жестом остановил Феликса с Эльзой, а сам во весь опор помчался вперед. Когда он скрылся за поворотом, послышался второй выстрел.

– Что происходит? – громко спросил из-за ширмы принц. – Верт, что у вас там творится?

Никто ему не ответил. Эльза застыла с распахнутыми от страха глазами, Феликс, молниеносно вынувший из кобуры пистолет, замер, всматриваясь в изгиб дороги. Он, по давно оговоренному правилу, не бросился следом за Вертом, а остался рядом с принцем – и теперь напряженно прислушивался к звукам леса, но ни новых выстрелов, ни каких-либо признаков боя не было.

– Кристиан, ты владеешь каким-нибудь оружием? – негромко поинтересовался Феликс.

– Нет.

– Понятно.

– Поедешь вперед? – испуганно спросила у Феликса Эльза.

– Нет, я должен охранять его высочество, – он направил свою лошадь на несколько шагов в сторону, давая Эльзе место, чтобы та могла быстро развернуть повозку, если понадобится. Девушка, поняв, замерла. Кристиан заметил по ее лицу, что она готова лишиться чувств от страха. Нежные щеки побелели, руки, сжимавшие вожжи, задрожали.

– На нас... на нас напали? – прошептала она.

Феликс покачал головой:

– Не похоже.

И в тот же миг из-за поворота показались Верт и Плетка. Оба были верхом. Эльза ахнула, увидев, что Рихард залит кровью, но Феликс быстро ее успокоил:

– Несется рысью, с серьезной раной так не поскачешь. Да и Плетка встревоженной не выглядит.

Через минуту всадники приблизились к повозке.

– Все в порядке, – быстро сказал Верт, отвечая на незаданный вопрос. – Это кровь кабана.

– Кабана? – ахнула Эльза.

– Да, – откликнулась каторжница. – На меня набросился кабан. Я в него выстрелила и попала, он споткнулся, но тут же снова кинулся вперед, напугал лошадь. Я выстрелила из второго пистолета, но бесполезно. Если бы не Рихард...

– Кабана трудно убить из пистолета, ты его просто на миг оглушила, – Верт быстро улыбнулся ей, потом кивнул Феликсу. – Хотел красиво, одним ударом, – но не нашлись двух-трех собак, которые его держали бы для меня, так что этот кабан крутился, как свинья. Ну и вот, – он опустил глаза на свою куртку, перемазанную кровью. – Надо будет разделать его, заберем мясо.

Принц Даниэль, услышав его голос, снова громко крикнул из-за ширмы:

– Верт, что у вас там происходит?

– Все хорошо, ваше высочество. Мы с Плеткой добыли прекрасного свежего мяса.

– Мы тронемся наконец дальше? – повысил голос принц.

– Да, как только разделаем кабана.

– Хорошо. Верт, вы же помните о вашей фамильной присяге нашему роду? – холодно добавил Даниэль Нортер так, словно никого, кроме них с Рихардом, тут не было. Кристиан еще раз отметил для себя, что, похоже, принц не считает остальных за людей.

– Конечно, ваше высочество. Не беспокойтесь, – кивнул Верт и негромко произнес, обращаясь уже скорее не к принцу, а к самому себе: – Быть верным, всегда защищать честь династии Нортеров и никогда не связывать свою жизнь с женщинами из Лейнеров.

– Эх, а зря, – тихо хохотнул Феликс. – Говорят ведь, что принцесса Марианна – редкая красавица.

Рихард отмахнулся от него со смехом:

– Да ну тебя! Поехали лучше, разберемся с кабаном, пока его кто другой не подобрал, – он развернул лошадь, потом на миг посмотрел на каторжницу. Плетка перехватила этот взгляд.

– Спасибо, – тихо сказала она. – Второй раз ты меня спасаешь.

– Да ну, брось.

Глава 3. Каторжница

Рихард направил коня по дороге, махнул Феликсу, чтобы тот не отставал. Повозка тронулась следом, Плетка на своей рыжей лошади держалась чуть сбоку.

Второй раз. Второй, да. Рихард слишком хорошо помнил первый, и сейчас, орудуя ножом над кабаньей тушей, снова во всех подробностях представил себе тот день. Это было весной, пару месяцев назад, когда уже пробилась свежая трава и распустились листья на деревьях. Принц Даниэль всегда вел тайную переписку со многими знатными людьми, которые поддерживали династию Нортеров – а теперь, понимая, что приближается август и Небесный суд, принц стал обмениваться посланиями куда чаще прежнего. Не желая подвергать опасности ни себя, ни своих сторонников, он доверял письма только Верту. И сам принц, и Рихард прекрасно понимали, что люди Лейнеров знают о переписке и наверняка ищут гонца, что рано или поздно они нападут на след, – но Верт был уверен в себе, а принц Даниэль – в нем. Из раза в раз все проходило гладко, но в конце концов Рихард, возвращаясь с ответным письмом из Истарала в замок Нортеров, наткнулся на засаду в придорожном трактире.

Он отбился от нападавших, выскользнул и через пару минут был уже в лесу – хорошо, что не стал заводить лошадь в конюшню при трактире, а оставил на коновязи у самого входа. Все окрестные лесные тропинки Верт знал куда лучше нападавших, и поэтому вскоре почувствовал, что его уже точно никто не преследует. В схватке он получил укол шпагой под левую ключицу и понимал, что ему еще очень повезло: пройди клинок хоть чуточку ниже – и Рихард истек бы кровью за несколько минут.

До рубежа Истарала и приграничного замка Нортеров оставалось не так и далеко, но Верт почувствовал, что не доедет. Кровь не останавливалась, прижать рану было нечем. Левая рука немела, в плечо при каждом шаге лошади словно втыкали раскаленный гвоздь, перед глазами сгущалась темная пелена. Не хватало только хлопнуться с седла в обморок прямо посреди леса. Рихард знал, что в замке Эльза приведет его в порядок за несколько дней, но до замка надо было еще добраться. Он вспомнил, что рядом есть охотничья заимка у ручья, и направил лошадь к избушке, надеясь отлежаться хотя бы пару часов. Лучше довести письмо с опозданием на полдня, чем вовсе не довести. Если заимка пуста – он немного передохнет, если там вдруг охотники – попросит у них помощи.

В крошечной избушке никого не оказалось. Рихард с трудом спешил, ослабил подпругу, но снимать седло не стал – побаивался, что потом не сможет его поднять. Он стреножил лошадь, отпустил ее пастись у ручья и наконец растянулся на толстом соломенном тюфяке – никаких кроватей на простенькой лесной заимке не было. Несколько минут Рихард просто лежал, не шевелясь, потом почувствовал, что звон в ушах начинает стихать, и нашел в себе силы стянуть сапоги. Действовал он осторожно – кровотечение наконец прекратилось, но Верт опасался, что от неловких движений оно может снова начаться.

Он не помнил, как забрался под валявшееся на тюфяке покрывало. Наверное, он на какое-то время задремал, и очнулся только от громкого топота и криков за стенами избушки.

Значит, его все-таки нашли.

Дверь распахнулась, и в избушку влетела всклокоченная девчонка. Топот и крики стали отчетливей – за девчонкой гнались, и преследователи были с каждым мигом ближе. Он быстро откинул покрывало в сторону.

– Нырй сюда и не высывайся.

Девчонка юркнула к нему, Рихард быстро опустил покрывало.

– Только не шевелись. Я худой, ты тощая, покрывало толстое, – никто и не заметит, что тут не один человек, а двое.

Она прильнула к нему и замерла. Рихарду казалось, что он чувствует, как колотится его сердце. Топот и голоса были совсем рядом, он пытался по звуку понять, сколько человек гонятся за беглянкой, но в голове у него все словно плыло. В следующий миг дверь снова распахнулась, и в избушку влетели двое. Еще кто-то явно остался снаружи.

– Где эта тварь? – заорал один из преследователей.

– Кто? – еле слышно откликнулся Рихард, стараясь, чтобы голос звучал совсем слабо.

– Девка. Каторжница.

– Я тут один. Не было никого, да я и не подпустил бы – подцепил где-то в пути горячку, хочу тут переждать, чтобы не тащить заразу дальше.

Рихард знал, что смотрится он сейчас вполне подходяще – начиналась лихорадка, лицо пылало, глаза наверняка сверкали. Да и горячка в самом деле порой волнами прокатывалась и по Истаралу, и по соседним странам.

Вошедшие отступили к двери.

– Тьфу, скотина. Хоть бы предупредил.

– Не успел. Только задремал – и вы тут. Да не бойтесь, вы ж почти не приближались.

– Не было девки, значит?

– Никого не было.

Он выждал несколько минут, и только потом, убедившись, что преследователи и правда ушли, приподнял покрывало.

– Ну, выбирайся.

Девчонка вынырнула. Впрочем, нет, не девчонка, – так ему только поначалу показалось, слишком уж невысокая и тонкая. Сейчас Рихард понял, что перед ним вполне взрослая молодая женщина. Лет двадцати, а то и постарше, наверное.

– Спасибо, – тихо пробормотала она. – Почему ты меня не выдал?

– Потому что вооруженные мужчины не должны охотиться на безоружных женщин.

– Я с каторги сбежала.

– Я слышал.

Она отбросила от лица прядь темных, свалявшихся от грязи волос, и Рихард заметил татуировку на руке. Ничего себе. Не просто каторга, а пожизненная. Девушка перехватила его взгляд, но промолчала.

– А если бы они не ушли? Стали бы меня искать?

– Пришлось бы подраться, – неожиданно улыбнулся он.

– Ты не очень-то выглядишь для драки.

– Ничего, на пару минут меня бы хватило.

– Их там четверо.

– Значит, по полминуты на каждого, – он осторожно подвинулся, приподнимаясь на тюфяке чуть повыше. – Меня зовут Рихард.

Лицо девушки вдруг померкло.

– Я... я не хочу вспоминать свое имя. И врать тебе не хочу, ты меня спас. На каторге меня прозвали Плеткой, пусть будет так.

Прозвище ей, быстрой и резковатой, и в самом деле подходило.

Что же у нее за имя, если даже каторжная кличка лучше этого имени?

– Как скажешь, Плетка так Плетка.

– Я могу тебе чем-нибудь помочь? – спросила она.

– Вряд ли ты удирала с каторги, прихватив корпию и чистое полотно.

– Не оставлять же тебя так.

– Ничего страшного, не привыкать.

– Точно? – она отступила к двери, свет из проема упал на лицо, и Рихард обратил внимание на высокие резковатые скулы и необыкновенно красивый рисунок ее бровей. – Ладно. Мне надо удирать. Спасибо тебе.

Плетка выскользнула из избушки так же стремительно, как несколько минут назад влетела в нее. Он плотнее завернулся в покрывало, закрыл глаза и то ли забылся, то ли заснул. А когда проснулся – заметил рядом мешок из рогожи. Рихард дотянулся до мешка, развязал веревку и в уже сгустившихся сумерках принялся перебирать содержимое.

Небольшая бутылка вина, ржаная лепешка, два яблока, кусок копченой баранины. Полотняные бинты, чем-то щедро пропитанные, – похоже, заживляющей смолой.

Он засмеялся и ребром ладони отбил бутылочное горлышко – ковыряться с сургучной пробкой было лень.

Спасенная девчонка почему-то запомнилась – хотя что за ерунда, Рихард и видел-то ее всего несколько минут. В начале мая, когда разлившиеся реки вернулись в свои русла, а дороги окончательно подсохли, Верт стал готовиться к походу, чтобы к августу точно уж довести принца до грота Небесного суда. Принц хотел взять с собой дюжину стражников, но Верт отговорил его – отряд, движущийся по Истаралу, сразу бы привлек внимание, а вот скромная повозка бродячих лицедеев могла спокойно раскатывать по любым дорогам. Перед отъездом Рихард покупал все необходимое на городском рынке. Приобретать что-то на территории Истарала ему не хотелось, чтобы не привлекать лишнего внимания, а тут, в стороне от границы, можно было спокойно все найти, – и Верт, никогда никому не доверявший выбор снаряжения и оружия, сам направился на рынок. Он придирчиво разглядывал каждую мелочь – от котелков и фляг до теплых войлочных ковриков и одеял из овечьих шкур. В шорном ряду он задержался около одного из прилавков: амуниция там была дороговата, но очень уж хорошо сделана, и Рихард раздумывал, сумеет ли он уговорить прижимистого принца Даниэля на лишние расходы. Возле соседнего прилавка в раздумьях топтался грузный мужчина – судя по одежде, не слишком удачливый купец – а рядом вертелся мелкий тонкий мальчишка с бумагами в руках. Мальчишка быстро читал вслух бумаги, составленные на мудреном сирийском, и тут же пересказывал их купцу простыми словами.

Рихард застыл. Он узнал эту гордую осанку, низковатый голос, эти тонкие точеные руки. Руки, кстати, сейчас были в дешевых перчатках с обрезанными пальцами. Ну еще бы.

– Обратите внимание, господин, – мальчишка указал на какие-то строки, – тут написано, что если после сделки прошло три дня и вы не заметили никаких недостатков в товаре, то дальше продавец ни за что не отвечает.

– Меня это не устраивает, – возмутился купец, обращаясь уже не к мальчишке, а к продавцу. – А ты ступай, свое отработал, спасибо.

В ладонь парнишки легла монетка. Парень отвернулся от купца, скользнул взглядом по торговым рядам в поисках новых заказчиков.

– Неплохо смотришься в мужской одежде, – тихо усмехнулся Рихард.

Синие глаза с испугом уставились на него, но уже через миг Плетка улыбнулась в ответ:

– Оклемался, значит?

– Давно уже, – Верт снова окинул ее взглядом, отметил про себя, что драную тюремную робу девушка сменила на не менее драные штаны и куртку. – У тебя все хорошо?

Плетка резко вскинула голову и прикусила губу.

– Помощь не нужна, спасибо.

– Ты давно в последний раз спала в нормальной постели, не вздрагивая при каждом шорохе? – спросил Рихард, разглядывая темные синяки под ее глазами. Ни голодной, ни совсем уж оборванной Плетка не выглядела, но он видел, что беглая каторжница совершенно измотана.

– Все в порядке, – упрямо повторила она.

Со времен Вильгельма Нортера и его приобретения замка род Вертов жил в просторном доме неподалеку – Фредерик Верт купил тогда дом для будущих потомков, понимая, что обосноваться в приграничных горах пришлось надолго, на несколько поколений. Сейчас Рихард оставался в этих хоромах один – его младшая сестра вышла за силийца и давно перебралась к мужу, а родители решили на старости лет пожить в теплых краях, приобрели небольшой замок у моря и уехали туда вместе со всей челядью. Рихард же вполне обходился конюхом, кухаркой и парой слуг.

– А если я тебе предложу безопасное место, где ты сможешь отдохнуть и спокойно решить, что тебе дальше делать?

Плетка посмотрела на него в упор.

– Я каторжница, Рихард. Беглая каторжница.

– Да, помню. Идем?

Ответить она не успела – к Рихарду подбежал один из торговцев.

– Господин Верт, вы спрашивали, сколько у нас еще тех веревок? Я отправил сына в кладовку, чтобы пересчитать.

– Да. Я загляну позже, спасибо.

Он кивком отпустил торговца и поймал на себе взгляд темно-синих глаз.

– Верт? – переспросила Плетка, чуть склонив голову набок. – Вы... вы что, Рихард Верт?

– Да.

– Небесные судьи, я должна была сразу понять!

– Так что, идем?

Каторжница на миг замерла, потом быстро ответила:

– Да.

В трактире у самого входа на рынок Верта ждал слуга с лошадьми, туда же один за другим сбегались посыльные от торговцев, принося оплаченные Рихардом седла, попоны, вяленое мясо и другие покупки. Рихард протянул слуге монету в четверть иста и кивнул, указывая на сложенные в углу вещи:

– Я возьму твою лошадь, а ты найми повозку и возвращайся на ней со всем этим.

Потом он обернулся к каторжнице.

– Ты умеешь ездить верхом?

– Да.

– Тогда идем.

У коновязи она растерялась, и Верт, поняв ее замешательство, легко посадил девушку на лошадь и подтянул стремяна на пару дырочек. В седле Плетка держалась прекрасно, а вот сесть сама не могла – словно привыкла, что ей всегда помогает грум. Рихард усмехнулся этой дурацкой мысли.

– Откуда ты знаешь силийский? – спросил он, когда городские ворота остались позади.

– Я выросла на севере Истарала.

Верт понимающе кивнул – в северных землях, вплотную прилегавших к Силии, по-силийски говорил едва ли не каждый первый.

К вечеру, когда гостя, немного отдохнув и отоспавшись, вышла из предоставленной ей комнаты, Рихард велел подать ужин на небольшой веранде. Синяки под глазами Плетки так и не исчезли – похоже, каторжница была слишком измучена, и недолгого сна ей не хватило. Но выглядела она уже куда свежее.

– Спасибо, – улыбнулась девушка, изячно и непринужденно управляясь с серебряными столовыми приборами. – Вы правда мне очень помогли.

– При прошлой встрече мы вроде были на «ты»?

– Да, простите. Но тогда я не знала, кто вы, – она чуть замялась, словно хотела о чем-то спросить, но не могла решиться. – Я уйду завтра утром, но... можно мне тут переночевать, чтобы не уходить сейчас, почти ночью?

– Я похож на человека, который может выставить ночью на улицу беззащитную девушку?

– Беглую каторжницу, – тихо уточнила Плетка, опустив глаза. – Нет, ничуть не похожи. Спасибо.

– Тебе есть куда идти?

– Я что-нибудь придумаю.

– А твои родные? Укроют тебя, спрячут?

– Есть причины, по которым я не могу вернуться к ним. Не спрашивайте меня об этом, пожалуйста, господин Верт. Но я направлюсь на север, это ведь мои родные места.

Рихард не ответил. Он подлил вина себе и гостье, поднял бокал, стараясь незаметно рассмотреть девушку. Могли ли ее подослать Лейнеры? Королева Леонора, разумеется, понимает, что принц Даниэль постарается прибыть на Небесный суд. И уж точно понимает, что отвечать за этот поход будет именно он, Рихард. И вполне может подослать к нему шпиона или убийцу. Женщину? Почему бы и нет. Щепотка яда в бокал вина – с этим женщина легко справится. Пожалуй, куда легче, чем мужчина.

Но будь девушка подослана, она бы не оставила его на охотничьей заимке одного. Бро-силась бы втираться в доверие – помогать, лечить, ухаживать. Хотя в постороннем уходе он тогда вовсе не нуждался, да и повязку потом вполне смог наложить одной рукой. И уж точно Лейнеры, зная его вкусы – а похождения Верта по спальням благородных дам ни для кого секретом не были – выбрали бы для такого дела яркую пышную красотку из знати, а не тоненькую каторжницу с синими, как восточный лазурит, глазами.

– И ты уверена, что доберешься до севера?

Плетка засмеялась в ответ:

– Вовсе не уверена. Но надо же что-то делать. Я много где бывала там, так что куда-нибудь да доберусь.

– Много где – это где?

– Росла около Островерхих гор, что за силийской границей. У меня есть родня в Силии, – Плетка на миг замялась, словно решая, что можно говорить, а что нет. – Но и в других местах по побережью часто бывала, так что все там знаю.

Рихард поймал ее взгляд, она не отвела глаз. Островерхие горы? Неужели все-таки подослана Лейнерами? Именно у Островерхих гор, на самом севере, на краю земли, находился грот Небесного суда. Прошлым летом Верт побывал в тех краях, чтобы хоть немного присмотреться. А теперь, готовясь к походу, изучил все карты, которые смог найти, расспросил не одну дюжину бродяг и путешественников и прочитал о северных землях все, что отыскал в скудной библиотеке замка Нортеров. Рассказы очевидцев противоречили картам, карты – книгам, и Рихард понял, что разбираться придется уже в пути. Да, он немного познакомился с северными землями, но этого знакомства явно не хватит.

Верт еще раз посмотрел гостье прямо в глаза.

– Островерхие горы? Не иначе как Небесные судьи сделали так, чтобы наши дороги пересеклись.

– О чем вы?

– Ты наверняка знаешь о гроте Небесного суда? – сказал он, скорее утверждая, чем спрашивая. Никаких сомнений, что знает, не было, – Рихард уже успел оценить и манеры собеседницы, и на редкость чистую речь. Да еще и по-силийски читает. Наверняка получила неплохое образование. Скорее всего, работала в каком-то благородном семействе Истарала, пока не случилось что-то, из-за чего девушка оказалась на каторге.

– Конечно, – кивнула она. – Вы шутите? Все в Истарале это знают. Да и в окрестных странах, наверное.

– Поддерживаешь какую-нибудь из династий?

– Я что, вельможа или служитель Небесных судей, чтобы моя поддержка хоть что-то значила? – Плетка даже растерялась от его слов. – Ни до одних, ни до других мне дела нет, да и им до меня тоже.

Рихард промолчал. Если бы каторжницу подослала королева Леонора – девчонка бы стала уверять, что ненавидит всех Лейнеров до седьмого колена, да еще наверняка придумала бы историю, как именно по милости королевской семьи на нее нацепили кандалы. Но Плетка только удивилась.

– Почему вы спрашиваете?

– Собираюсь в ближайшие дни отправиться на север, – начал он. – Как раз на самый край света, к Островерхим горам.

Девушка понимающе кивнула.

– Поведете принца Даниэля к гроту Небесного суда?

– Да. Я был там один раз, но, по большому счету, не знаю ни тамошней погоды, ни местности, ни обычаев. Ничего. Моя сестра замужем за силийцем, но они никогда никуда не выбирают из своего поместья, да и живут не на севере, а на южных силийских островах.

– И вы не хотите ее впутывать.

– Не хочу, – спокойно подтвердил Рихард. – Лилия давно живет своей семьей, к Истаралу она никакого отношения не имеет и даже, кажется, никогда там не бывала. Да и клятву верности Нортерам в нашей семье дают только мужчины, Лилия никаким словом не связана.

– И вы даже не спрашиваете, за что я попала на каторгу?

– Не спрашиваю.

Она кивнула, Рихард заметил на тонком лице быструю благодарную улыбку.

– Я не могу вам рассказать этого, господин Верт. Но уверяю, что не представляю никакой опасности для его высочества. И если вам в походе нужен человек, хорошо знающий север, – я готова.

– Королева Леонора наверняка будет ждать нас, выслеживать и всячески мешать. Так что путешествие окажется не самым простым. И может статься, что мы до грота не доберемся.

Плетка снова кивнула.

– И даже если доберемся – Небесные судьи вполне могут снова отдать власть династии Лейнеров, и тогда королева Леонора наверняка решит расправиться с нами прямо на месте. На всякий случай.

– Разве его высочество принц Даниэль не захочет поступить точно так же, если власть будет отдана ему?

Рихард не стал отвечать, понимая, что эти слова – не вопрос, а утверждение.

– Но есть все-таки шанс, что мы доберемся, и что Небесные судьи отдадут власть Нортерам. И тогда, обещаю, я буду просить у его высочества – то есть тогда уже у его величества – чтобы с тебя сняли любые обвинения.

– Вы же не знаете, за что я...

– И знать не хочу, – соврал он.

Так Плетка оказалась в крошечном отряде, сопровождавшем принца Даниэля. И пока еще Рихард ни разу не пожалел о том, что взял эту каторжницу в дорогу.

Глава 4. Летописец принца

Вскоре кабан был разделан. Кристиан искренне хотел помочь, но пока не мог – у него до сих пор кружилась голова и сильно болел порезанный бок. Мясо погрузили в повозку, со шкурой Рихард и Феликс возиться не стали,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.